

Глава 1

Пэн Додо опоздал в бар «Западная улица» почти на час. Однако это не помешало ему неторопливо поправить рыжую прядь на лбу и лишь затем, с видом избалованного отпрыска богатого рода, войти внутрь.

Одного взгляда хватило, чтобы заметить мужчину, сидевшего у барной стойки с бокалом в руке.

Он был высоким, даже немного худым, и на высоком барном стуле его талия казалась еще тоньше, а ноги — длиннее. Пил он так же неторопливо, и в каждом его движении сквозила подкупающая интеллигентность и элегантность.

Возможно, всем творческим людям свойственна особая аура. Его одежда не была строгой: белая рубашка со стоячим воротником и плетеными пуговицами в сочетании со свободными брюками, на которых висела длинная цепочка, подчеркивала его стройность, создавая образ богемный и в то же время слегка небрежный.

У него были волосы средней длины, подстриженные короче сверху и длиннее снизу, а тонкая, длиной в палец, косичка на затылке добавляла его образу юношеской свежести. Такая прическа, требующая постоянного ухода, подошла бы далеко не каждому, но ему она была к лицу — он был красив и всегда безупречно ухожен.

Заметив его взгляд, мужчина обернулся. В его прекрасных персиковых глазах, подернутых легкой дымкой, читалась улыбка, от которой в полумраке бара становилось теплее.

Пэн Додо услышал, как вокруг восторженно ахнули, и заметил, как множество жадных взглядов впилось в незнакомца.

А чего они хотели? Разумеется, его самого.

Он снова дернул себя за рыжую прядь, решив, что этот цвет, ради которого он специально красился, придает ему уверенности, и с гордо поднятой головой, выпятив грудь, направился к бару.

— Пэн Додо.

Лицо Пэн Додо вытянулось.

— Имань, ты никогда раньше не называл меня по фамилии.

Около месяца назад его друг, отправившись в горы на этюды, сорвался со склона. Этот замкнутый домосед целый месяц пролежал в больнице, и никто об этом не знал. Когда Пэн Додо наконец узнал о случившемся, тот уже успел тихо выписаться и вернуться домой. Говорили, что при падении он сильно ударился головой.

Однако Пэн Додо считал, что эти перемены пошли ему на пользу. Раньше тот носил длинные волосы, скрывал лицо за очками в черной оправе и, бледный и подавленный, целиком погружался в свой мир, отчего даже его красота заметно тускнела. Теперь же от одного его вида у людей перехватывало дыхание.

Единственное, что было плохо, так это то, что «Додо» превратился в «Пэн Додо».

Лу Имань улыбнулся. Его полные, влажные губы, изгибаясь, создавали удивительный контраст: несмотря на общую интеллигентность и врожденную меланхолию, стоило ему прищурить свои персиковые глаза, сняв очки без оправы, как невольно хотелось упасть к его ногам и взмолиться: «Отец, накажи меня!»

Хотя сам он считал, что подобных наклонностей у него нет, и всегда вел себя с людьми учтиво и вежливо.

— Какая разница, как я тебя называю, — его тонкие бледные пальцы коснулись бокала Пэн Додо. Раздался легкий звон. Лу Имань откинул голову, отпивая глоток, и его кадык плавно дернулся.

Пэн Додо почувствовал, как у него заныли зубы. Ощущая на себе хищные взгляды окружающих, он цыкнул:

— Прекрати источать свое обаяние.

Внезапно он подумал, что прежний замкнутый домосед нравился ему больше. По крайней мере, рядом с ним он не чувствовал себя пустым местом.

— М-м? — Лу Имань повернулся к нему, и его персиковые глаза засияли в мерцающем свете.

Пэн Додо заслонил глаза ладонью и оттолкнул его.

— Почему ты решил прийти сегодня на Западную улицу? Неужели наконец-то решил отказаться от своей первой любви и пасть в объятия греха?

Взгляд Пэн Додо скользнул по танцующим мужчинам и женщинам, и он с причмокиванием издал несколько восхищенных вздохов.

Лу Имань не обиделся. В уголках его глаз по-прежнему таилась улыбка и какая-то нежная задумчивость.

— Зачем так драматизировать? Разве это не нормально для взрослых людей — иногда проводить вечер вне дома?

Пэн Додо удивленно посмотрел на него.

— Это совсем на тебя не похоже. Неужели безответная любовь так сильно ударила по тебе, что ты решил пуститься во все тяжкие?

Лу Имань ничего не ответил, лишь с легкой усмешкой смотрел на вино в своем бокале.

«Настоящая любовь», о которой говорил Пэн Додо, действительно была настоящей любовью «Лу Иманя», но не его, Лу Иманя, любовью.

История была до странности банальной. В один ничем не примечательный день он случайно кликнул на рекламный баннер, и перед ним открылся роман о двух главных героях — Юй Цане и Юй Цзымине.

Но первым, кто привлек его внимание, был второстепенный персонаж по имени Лу Имань, который, как оказалось, был «белым лунным светом» для главного героя Юй Цзымина.

То же имя, тот же пол и поразительно схожая биография вызвали у него интерес.

Единственное отличие «Лу Иманя» от него заключалось в том, что у того была семья.

Весь роман был посвящен любовным перипетиям двух главных героев: он бежит, он преследует, ему не улететь, даже будь у него крылья. Прочитав половину, Лу Имань решил, что споры в комментариях куда интереснее.

Читатели разделились на два лагеря. Одни до безумия обожали любовную линию главных героев, писали искренние и эмоциональные эссе, каждый день по-новому воспевая их чувства. Другие же сочувствовали главному герою Юй Цзымину, считая, что одержимость Юй Цана была слишком удушающей, и надеялись, что «белый лунный свет» спасет его из этого огненного плена.

Лу Имань каждый день заглядывал в комментарии, не столько следя за сюжетом, сколько наблюдая за их спорами. Но ему, в отличие от них, больше нравился не безобидный и беззащитный Юй Цзымин, а замкнутый и неразговорчивый Юй Цан. Его любовь походила на обжигающее пламя, способное испепелить человека вместе с костями.

На экране, отражавшем его задумчивые глаза, внезапно, словно он был избранником небес, появилось окно с вопросом, готов ли он спасти главного героя.

Это не было ни взломом, ни системной ошибкой.

Поколебавшись, он позволил себе принять это странное предложение. В конце концов, в его обыденной и скучной жизни не хватало чего-то волнующего, что добавило бы ей остроты.

И он выбрал «да».

Так он стал «Лу Иманем», «белым лунным светом» главного героя Юй Цзымина.

Он покачал бокал, наблюдая, как прозрачные кубики льда стучаются о стенки, а коричневая жидкость переливается янтарными искрами. Сделав глоток, он почувствовал легкое опьянение.

Часы пробили полночь.

Длинные ноги коснулись пола, носком отодвигая высокий стул. Лу Имань взял со спинки пальто и, полуприкрыв глаза, бросил:

— Я пошел.

Пэн Додо только вошел во вкус, поэтому удивленно спросил:

— Ты же собирался насладиться ночной жизнью взрослого человека?

Лу Имань обернулся, и в мерцающем свете его четко очерченный профиль выглядел так сексуально, что сердце замирало.

Он улыбнулся и сказал:

— А разве один бокал — это не ночная жизнь?

В глазах Пэн Додо на мгновение помутилось, а когда он пришел в себя, высокая, стройная спина Лу Иманя уже растворилась в толпе.

Он замер, а затем с силой ударил по столу и выругался:

— Черт, этот ублюдок специально заставил меня платить по счетам!

В ярости он залпом осушил свой бокал.

...

Свежий ночной воздух разогнал хмельной дурман, оставшийся после ярких огней и шумной толпы бара.

Он накинул на плечо тонкое черное пальто и зажал в зубах сигарету. Прохожие, бросив на него один взгляд, уже не могли отвести глаз: его лицо в теплом свете фонарей казалось утонченно-холодным.

Он наклонился, чтобы прикурить, но не успел — зажигалка выпала из рук, сбитая кем-то налетевшим.

Словно все было рассчитано, он, не выпуская сигареты, схватил незнакомца за руку. Тот врезался ему в грудь и, подняв голову, с удивлением и радостью посмотрел на него.

— Брат Имань!

Он удержал его за руку, помогая восстановить равновесие и аккуратно разрывая близкий контакт.

— Юй... Цзымин, — он вынул сигарету изо рта. — Что ты здесь делаешь?

— Я... — тот опустил голову, и его худенькие плечи сжались под порывом ночного ветра.

Лу Имань накинул свое пальто на его плечи, одетые в тонкую футболку. Напряженное лицо незнакомца немного смягчилось, а во взгляде появилась теплота. Но тут же он, словно что-то вспомнив, поджал бледные губы и с болью и отчаянием отвернулся.

— Брат Имань, ты... ты живешь один? Если тебе не трудно, могу я...

Он не договорил. С оглушительным визгом тормозов у обочины остановился абсолютно черный автомобиль.

Слова застряли у Юй Цзымина в горле, а на лице отразился неподдельный ужас. Он инстинктивно шарахнулся за спину Лу Иманя.

Эта театральная сцена заставила его приподнять бровь, но его внимание тут же переключилось на длинные ноги, показавшиеся из машины.

Из автомобиля вышел мужчина в темно-сером костюме. Еще до того, как Лу Имань разглядел его лицо, он почувствовал мрачную, почти осязаемую ауру, от которой перехватило дыхание.

Он был высоким и статным, с широкими плечами, узкой талией и длинными ногами — аристократизм прирожденного лидера чувствовался в каждом его движении.

Когда же Лу Имань посмотрел на его лицо, то увидел высокий лоб, глубоко посаженные глаза и узкие, холодные, как лезвия, зрачки с оттенком мрачности. Высокий нос и четко очерченная, волевая линия подбородка придавали ему опасный и неприступный вид.

Взгляд Лу Иманя медленно опустился на его шею.

Там, пересекая кадык, висела татуировка — гирлянда терновых ветвей с распустившимися на них темно-красными цветами. Она скрывала уродливый, так и не заживший шрам на этом уязвимом месте.

Он бессознательно поднес руку с сигаретой к губам. Табак, не подоженный, источал терпкий аромат.

В книге о Юй Цане было сказано:

«В нем сочетались благородство аристократа и дикость зверя, вечно разрываемого между хаосом и порядком».

Но в глазах Лу Иманя такой Юй Цан был прекрасен.

Он прикусил фильтр. Слюна смешалась с горьким вкусом табака. Мужчина, ступая по холодному асфальту, приближался. Его хищный взгляд, скользнув по Юй Цзымину, впился в него.

Нехорошо.

При первой же встрече его приняли за «любовника».

Юй Цан схватил его за плечо, в то время как Юй Цзымин все еще цеплялся за его предплечье. Расстояние между ними сократилось, и лицо мужчины оказалось прямо перед ним, производя ошеломляющее впечатление.

Выпитый алкоголь начал действовать. Лу Имань перехватил его запястье, и его холодные пальцы ощутили тепло чужой кожи.

Он приоткрыл губы, и в его влажных, блестящих глазах появилось что-то туманное.

— Господин Юй, здравствуйте.

<http://bllate.org/book/13686/1212551>